

УДК 37

DOI: 10.34670/AR.2020.45.5.195

**Концепт и эпистема как базовые номинативные единицы,
отражающие национальную (этническую) специфику
представления языковых знаний**

Кохичко Андрей Николаевич

Доктор педагогических наук, доцент, профессор, кафедра педагогики,
Мурманский арктический государственный университет,
183038, Российская Федерация, Мурманск, ул. Капитана Егорова, 15;
e-mail: andrey_kokhichko@mail.ru

Аннотация

Актуальность представленного исследования обусловлена противоречием между социальным заказом, определяющим стратегическую цель современного отечественного общего образования – духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся на основе базовых национальных (общероссийских, гражданских, этнических, русских) ценностей - и неопределенностью (смешением, отождествлением) концепта и эпистемы как базовых номинативных единиц, отражающих национальную (этническую) специфику представления языковых знаний. Цель проведенного исследования – выявление содержательных оттенков концепта и эпистемы как базовых номинативных единиц, отражающих национальную (этническую) специфику представления языковых знаний при обучении русскому языку как родному. Ведущими подходами к исследованию данной проблемы выступили системный, культурологический (культурно-исторический) и аксиологический подходы, позволившие комплексно рассмотреть специфику концепта и эпистемы. Исследованием подтверждено, что содержательные оттенки рассматриваемых категорий заключаются в различном восприятии окружающей действительности: если концепт связан со знанием (сознанием, познанием) – значением, логикой, разумом (сознательным восприятием), познавательным опытом индивидуума, то эпистема – знание, базирующееся на «душе» (духе) - чувствах, ощущениях, переживаниях, духовной деятельности, эмоционально-смысловой практике человека. Материалы статьи представляют теоретическую и практическую ценность для определения структуры ценностных ориентиров, содержания, основных направлений, принципов, планируемых результатов, методических основ, особенностей организации духовно-нравственного развития, воспитания и социализации личности обучающегося средствами русского языка как родного.

Для цитирования в научных исследованиях

Кохичко А.Н. Концепт и эпистема как базовые номинативные единицы, отражающие национальную (этническую) специфику представления языковых знаний // Педагогический журнал. 2019. Т. 9. № 5А. Ч. II. С. 764-781. DOI: 10.34670/AR.2020.45.5.195

Ключевые слова

Концепт, эпистема, русский (родной) язык, духовно-нравственное воспитание, социализация.

Введение

Цель и задачи развития, воспитания и социализации обучающихся, согласно федеральным государственным образовательным стандартам второго поколения, формулируются, достигаются и решаются в контексте национального воспитательного идеала, на основе которого в новых образовательных документах государственного образца нашли свое отражение: носители базовых национальных ценностей; традиционные источники нравственности и человечности; ступени духовно-нравственного развития и воспитания личности; ценностные ориентиры основного общего образования; цель и задачи, основное содержание, основные направления и ценностные основы, принципы и особенности организации содержания, планируемые результаты духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся на ступени общего образования; особенности и методические основы организации духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся и др.

Основное содержание

Одним из основополагающих понятий современной методики русского языка, ориентированной на духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся на основе базовых национальных ценностей средством родного языка, является концепт, без которого весьма сложно обеспечить полноценное овладение обучающимися (общероссийских, гражданских, этнических, русских) ценностями отечественной культуры. В качестве базовой данную категорию мы находим как в теории и практике обучения русскому (родному) языку, так и в культурологии, лингвокультурологии, когнитивной грамматике, лингвострановедении, семантике, логической семантике, математической логике, философии, психологии и других смежных дисциплинах. При этом, как замечают Э.Г. Азимов и А.Н. Шукин, «понятие концепт, используемое в качестве единицы культурологического содержания, до конца не определено» [Азимов, 2009, с. 113], и наряду с концептом (Н.Д. Арутюнова, Д.С. Лихачев, С.Х. Ляпин, В.П. Нерознак, Ю.С. Степанов и др.) употребляются и другие равнозначные понятия:

- логоэпистема (термин Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Н.Д. Бурвиковой);
- лингвокультурема (термин В.В. Воробьева);
- концептосфера (Д.С. Лихачев);
- мифологема (В.Н. Базылев, М. Ляхтеэнмяки);
- сапиентема (термин Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова);
- экфорема (термин Н.А. Рубакина);
- ноэма (термин философской герменевтики).

К данным категориям можно добавить также понятия «константа», «константа языка», «экзистенциальный смысл», «предельное понятие», «культурный концепт», «лингвокультурный концепт» и др.

Безусловно, с точки зрения синергетики, как отмечает Б.Н. Пойзнер, оправдано, когда в ситуации «порядок из хаоса» репликатор [лат. replication – повторение < reperio, reperivi, reperitum – опять, наполнять снова; пополнять, восполнять, комплектовать; снабжать] [Латинско-русский, 2005, с. 969], случайно опередивший своих «соперников», служит зачинщиком, агентом самоорганизации, которая способна привести к господству «удачливого» репликатора в системе [Пойзнер, 2007, с. 238]. В то же время, приходится констатировать, что

концепт, «значительно опередивший все прочие протерминологические новообразования по частоте употребления» [Воркачѳв, 2006, с. 41], и отождествляемое (конкурируемое) с ним понятие *эпистема* (логоэпистема) имеют свои содержательные оттенки.

Таким образом, **актуальность исследования** обусловлена противоречием между социальным заказом, определяющим стратегическую цель современного отечественного общего образования – духовно нравственного развития и воспитания обучающихся на основе базовых национальных (общероссийских, гражданских, этнических, русских) ценностей - и неопределенностью (смешением, отождествлением) концепта и эпистемы как базовых номинативных единиц, отражающих национальную (этническую) специфику представления языковых знаний.

Цель исследования – выявить содержательные оттенки концепта и эпистемы как базовых номинативных единиц, отражающих национальную (этническую) специфику представления языковых знаний при обучении русскому языку как родному.

Материалы и методы. В ходе исследования применялись системный, культурологический (культурно-исторический) и аксиологический подходы, позволившие комплексно рассмотреть специфику концепта и эпистемы.

Результаты и обсуждения

Под концептом [лат. *conceptus* - мысль, понятие, представление < *conception, conceptionis* – зачатие < *concepĭri, conceptum, concepĕre* – собирать; облекать слова в определенную формулу; воспринимать; воображать; постигать] [Латинско-русский, 2005, с. 257-259] в *философии* исторически понимается «формулировка, умственный образ, общая мысль, понятие» [Философский, 1986, с. 217].

В *логике* и в *логической семантике* данная категория трактуется как «смысл имени» [Философский, 1986, с. 217], «содержание понятия, его смысловая наполненность в отвлечении от конкретно языковой формы его выражения» [Абушенко, 2001, с. 506]. В отличие от обычного словоупотребления современная логика рассматривает в качестве имен не только термины (слова), но и предложения. Денотатом [лат. *denotatus* – отмеченный, обозначенный, указанный] [Латинско-русский, 2005, с. 335] термина считается обозначаемый им объект, смыслом термина - выражаемое им свойство. Денотатом предложения выступает его значение истинности (т. е. истина или ложь), смыслом - выражаемое им суждение. Отметим, что различные трактовки концепта связаны с теориями обозначения (понятия истинности, выполнимости, именованя, *имени*, экстенциональности [англ. *extensional meaning* – значения, приобретаемого словом в данном контексте его речевого употребления < лат. *extensivus* – расширяющийся, удлиняющий] [Ахманова, 1969, с. 164; Новейший, 2006, с. 935], синтетической истинности и др.) и смысла (*значения и смысла*, синонимии, аналитической истинности и др.) [Философский, 1986, с. 242].

В *языкознании* термин «концепт», - «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода», - было включено в 1928 г. С.А. Аскольдовым-Алексеевым [Аскольдов, 1997, с. 271], по мнению которого, «не следует, конечно, думать, что концепт есть всегда заместитель реальных предметов, он может быть заместителем разного рода чисто мысленных функций». Значительно позже коонцепт трактовали Р.И. Павилѳнис [Павилѳнис, 1983, с. 279–280] (выясняя соотношение смысла и концепта), М.А. Холодная [Холодная, 1983, с. 23] (выявляя роль концептов в организации

мышления), Д.С. Лихачев [Лихачев, 1996] (наполняя концепт лингвокультурологическим содержанием) и мн. др.

Если в 90-х гг. прошлого столетия сложилось традиционное отождествление «понятия», как «грамматической или семантической категории, обычно не высшего уровня обобщения», и термина «концепт» [Ахманова, 1969, с. 334], трактовавшегося как «явление того же порядка, что и значение слова», но «в несколько иной системе связей; значение – в системе языка, понятие – в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике» [Степанов, 1990, с. 384], то в последнее время (А.П. Бабушкин [Бабушкин, 1996, с. 12], С.Г. Воркачѳв [Воркачѳв, 2002], Н.А. Красавский [Красавский, 2008, с. 34, 35], Азимов Э.Г., А.Н. Щукин [Азимов, 2009, с. 113] и др.), обозначился пересмотр неоднозначного логического содержания концепта.

В различных научных концепциях в содержании концепта начинают выделяются системное, понятийное, образное, ассоциативное, когнитивное, коммуникативное, деятельностное, историческое, этимологическое, культурное, этническое, этнокультурное, смысловое, ценностное и другие «измерения», при этом, концепт трактуется как:

- «мысленное образование» (С.А. Аскольдов-Алексеев);
- «алгебраическое выражение значения» (Д.С. Лихачев);
- «базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование» (А.А. Залевская);
- «исходный смысл, не обретший формы; сущность, явленная плотью слова в своих содержательных формах: в конструктивных – образе и символе, и в структурной – в понятии» (В.В. Колесов);
- «квант» знания» (Е.С. Кубрякова);
- «квант структурированного знания» (З.Д. Попова, И.А. Стернин);
- «квант знания», «семантический эмбрион», или «смысловый ген» значения языкового знака» (Н.Ф. Алефиренко);
- «экстенсия знания» (В.Н. Телия);
- «знание об обозначаемом во всех его связях и отношениях» (В.Н. Телия);
- «дискретная содержательная единица коллективного сознания (идеального мира)» (А.П. Бабушкин);
- «сгусток культуры в сознании человека», «содержание понятия», «смысл слова, «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово», «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (Ю.С. Степанов);
- «первичные культурные образования, выражающие объективное содержание слов и имеющие (ценностный) смысл» (В.И. Карасик);
- «ключевое слово культуры» (А. Вежбицкая);
- «микромодель культуры» (В.Г. Зусман);
- «культурный слой, посредничающий между человеком и миром» (Н.Д. Арутюнова);
- «условно-ментальная единица» (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин);
- «выражение этнической специфики мышления» (Т.А. Фесенко);
- «единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям)» (С.Г. Воркачѳв) и т. д.

Тем не менее, изложенное выше позволяет констатировать, что в современном языкознании и в смежных дисциплинах наметились основные подходы к пониманию концепта:

- 1) *Семантический* (традиционный, лингвистический, грамматико-семантический, логический, логико-семантический, логико-философский), осмысливающий концепт

как значение (понятие) слова вместе с его коннотативным (дополнительным) элементом (значением) (Н.Д. Арутюнова, С.А. Аскольдов, Р.И. Павилёнис, В.Н. Телия и др.).

- 2) *Когнитивный* (познавательный, гносеологический, психолингвистический), относящийся к мыслительным явлениям, выражающим деятельность сознания (В.З. Демьянков, А.А. Залевская, Е.С. Кубрякова, Л.Г. Лузина, Ю.Г. Панкрац, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.)
- 3) *Культурологический* (лингвокультурологический, лингвострановедческий) (Ю.Д. Апресян, В.Г. Зусман, В.И. Карасик, В.В. Колесов, Д.С. Лихачев, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, Т.А. Фесенко и др.), где в качестве концепта выступает «национально-маркированный образ культуры, имеющий языковое выражение в виде слова, словосочетания, предложения и передающий некоторое лингвокультурологическое содержание, являющееся существенным для понимания национальных особенностей носителей языка» [Азимов, 2009, с. 113].
- 4) *Аксиологический*, представители которого (Н.Ф. Алефиренко, А.П. Бабушкин, С.Г. Воркачѳ, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин и др.), разграничивая «категории, составляющие предельный уровень научного обобщения» и «ценности, находящиеся во владении каждого – константы культуры», различая концепты по их тяготению к сфере «научного» либо «художественного» концептуального поля, тем не менее, убеждены, что от «известных ментальных единиц, используемых в различных областях науки (например, когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, образ, архетип, гештальт, мнема, стереотип)» лингвокультурный концепт отличается тем, что его «центром всегда является ценность».

При этом, трудно не согласиться с утверждением В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина о том, что лингвокультурный концепт, как условная ментальная единица, направлен на комплексное изучение языка, сознания и культуры. Данное соотношение при этом может быть сформулировано следующим образом: сознание - область пребывания концепта (концепт лежит в сознании); культура детерминирует концепт (т. е. концепт - ментальная проекция элементов культуры); язык и/или речь - сферы, в которых концепт опредмечивается [Карасик, 2001].

Отмечая многообразные подходы к осмыслению термина «концепт», уточним, что они не исключают друг друга и в той, или иной степени взаимосвязаны. Так, например, В.В. Колесов разграничивает узкое (концепт как объем понятия) и широкое понимание концепта культуры. Кроме того, концепт для автора – «исходная точка семантического наполнения слова и конечный предел развития» [Колесов, 1992, с. 39]. Таким образом, в качестве вывода можно заключить, что, несмотря на «неопределенность» (различное понимание) концепта, отражающее последний как «многомерное идеализированное формообразование» [Ляпин, 1997, с. 16], сближаемые с концептом «протерминологические новообразования» ноэма, экфорема, лингвокультурема, сапиентема, логоэпистема и другие анализируемой категории не тождественны.

Так *ноэма* [греч. νόημα - мыслимое содержание, мысль] наряду с *ноэсисом* [греч. νόσις – мышление, постижение, разумение] - термины платоновской и аристотелевской философии, относящиеся к теории познания. Ноэсис, по Платону, - мысленное усмотрение сущности, идеи, основанное на созерцательной природе разума; ноэма (мысль) - есть постижение многообразия вещей как некоторого единства. Развивая платоновское учение о мышлении, Аристотель трактовал последнее как определенное соединение и соотнесение ноэм. Истина, по Аристотелю, есть адекватное сочетание ноэм; ложь - несоответствие утверждений и связей между вещами и

смыслами. Позже нозма, обозначающая идеальную компоненту интенционального [интенция – направление или направленность сознания, воли, чувства на какой-либо предмет; намерение, цель < лат. intention – стремление < intentio, intentiōnis – натяжение] [Латинско-русский, 2005, с. 574; Новейший, 2006, с. 346], переживания, а именно переживаемое как конституируемый сознанием «интенциональный предмет», становится одним из центральных понятий трансцендентальной феноменологии [др.-греч. φαίνόμενα – кажущееся, видимое + λόγος – слово; понятие, учение; мысль; определение; отношение: учение, признающее реальностью лишь то, на что направлено сознание] [Новейший, 2006, с. 839] Э. Гуссерля и Г.Г. Шпета [Философский, 1989, с. 429].

Понятие *экфорема* [от экфория - оживление накопленного опыта по одной детали], предложенное Н.А. Рубакиным – категория, связанная, прежде всего, с психологией чтения, а также с социокультурной адаптацией инофонов и с прецедентными [лат. praecedens (praecedentis) – предшествующий < praescēdo, praecessi, praecessum, praēre – предшествовать, идти впереди; прийти прежде; стоять выше, превосходить] [Латинско-русский, 2005, с. 878] текстами (термин Ю.Н. Караулова, 1986), под которыми понимаются тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников и современников, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 1987, с. 216]. В качестве прецедентных текстов автор трактует цитаты из художественных произведений, целые письменные тексты, незафиксированные в одной канонической форме предания, мифы, устно-поэтические произведения, притчи, легенды, сказки, анекдоты [Караулов, 1987, с. 35].

Термин В.В. Воробьева *лингвокультурема*, в изложении Э.Г. Азимова и Н.А. Щукина, – «комплексная межуровневая единица, представляющая собой диалектическое единство лингвистического (знак, значение) и экстранлингвистического (понятие, предмет). Будучи единицей более глубокого уровня чем слово, лингвокультурема, - замечают авторы, - аккумулирует в себе как собственно языковое представление («форма мысли»), так и тесно связанную с ней внеязыковую культурную среду. Лингвокультурема отражает специфику и систематизацию реалий внутри класса предметов, соотносенных с определенным знаком, следовательно, существует как единица смысла. Она может быть выражена словом, словосочетанием, целым текстом. Лингвокультурема имеет коннотативный смысл, часто не один, который может не всегда актуализироваться в сознании воспринимающих (особенно иноязычных). Она живет в языке только пока жив породивший ее идеологический контекст [Азимов, 2009, с. 127].

В научный оборот лингвострановедения для обозначения языкового выражения закрепленного через общественную культурную память следа отражения действительности в сознании носителей языка В.Г. Костомаровым и Н.Д. Бурвиковой в 1996 г. был введен термин *логоэпистема* – «знания, хранимые в единице языка: знак, который требует осмысления на уровне языка (означающее) и на уровне культуры (означаемое). Это цитаты, пословицы, афоризмы, «говорящие» имена и крылатые слова. Логоэпистемы можно назвать символами чего-то стоящего за ними, сигналами, заставляющими вспомнить некое фоновое знание, некий текст, некоторую информацию»: «Все смешалось в доме Облонских», «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!», «Куликовская битва», «Илья Муромец», «И ты, Брут!» [Азимов, 2009, с. 131].

Под *сапиентемой* [лат. sapientia < sapio, sapii, sapiēre – иметь вкус; пахнуть чем-либо; ощущать вкус, чувствовать вкус; быть мудрым, благоразумным, понимать; смыслить что-либо]

[Латинско-русский, 2005, с. 1000], понятием, введенным в научный оборот Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым взамен предложенного ранее термина «логоэпистема» (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова), учеными понимается априорная врожденная ценностно маркированная идея (по Платону), постигаемая умозрительно, интуитивно, иногда путем озарения, представляющая собой сопряжение знания и этической установки, способная разворачиваться в конкретных лингвокультурах и становиться в таком случае лингвосапиентемой [Верещагин, 2005, с. 952-953]. Сапиентема (лингвосапиентема), в изложении Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, - не столько статичное (в лексическом фоновом компоненте значения) знание, а активное (динамическое, речеповеденческое), полученное вследствие рассмотрения феномена и размышлений о нем [Верещагин, 2005, с. 909].

Понятие *эпистемы* традиционно рассматривается в структуре философского термина *эпистемология* [англ. epistemology, нем. Erkenntnistheorie < др. греч. ἐπιστήμη – знание, умение + λόγος – слово; понятие, учение; мысль; определение; отношение] [Новейший, 2006, с. 480] – теория познания [Философский, 1989, с. 770], исследующая «природу, предпосылки, условия, возможности и границы человеческого познания» [Кезин, 2007, с. 705]. Введение термина «эпистемология» приписывают Дж.Ф. Ферье («Основы метафизики», 1854) [Философский, 1986, с. 568], делившему философию на эпистемологию и онтологию [др.-греч. ὄν(όντως) – сущее + λόγος] [Новейший, 2006, с. 583] – философское учение о принципах, основах, строении и закономерностях бытия, в отличие от учения о познании (гносеологии) [др. греч. γνῶσις (γνώσεως) – знание, познание + λόγος] [Новейший, 2006, с. 235]. Хотя эпистемология традиционно отождествляется с теорией познания, но, по утверждению А.Ю. Бабайцева, различие эпистемологии и гносеологии, основанное на «исходных категориальных оппозициях» зафиксировано в неклассической философии. Так, если «гносеология разворачивает свои представления вокруг оппозиции «субъект – объект», то для эпистемологии базовой является оппозиция «объект – знание» [Бабайцев, 2001, с. 1265]. «Исторически, эпистемологические представления и проблематика возникают раньше гносеологических и складываются уже в античности. Таковы, например, «идеи» Платона и предложенная им референционная концепция «истины», апории Зенона, тропы скептиков, логика Аристотеля» [Бабайцев, 2001, с. 1266].

С философской точки зрения к числу основных тем эпистемологии относятся: анализ понятия «знание»; разработкф норм и способов обоснования «совершенного» познания; структура знания; возможности и границы познания; концепция истинности и ее критерии; соотношение между дескриптивной и нормативной задачами и др., трактовка субъекта познания, в котором субъективные структуры, обеспечивающие познавательный процесс детерминированы социокультурно (ценностно) в практической деятельности, языке и общении [Кезин, 2007].

В историографию лингвистики термин *эпистема* был введен М.П. Фуко («Les mots et les choses», 1966, «Archéologie du savoir», 1969), по мнению которого, возникновение и существование различных в разные исторические эпохи наук, теорий и гипотез определяют «эпистемы» - исторически изменяющиеся структуры мировосприятия, или «призмы видения» природных и социальных процессов. Основным фактором, формирующим и упорядочивающим эпистему, для М.П. Фуко является соотношение «слов» и «вещей».

Применительно к лингвистике, понятие «эпистема» нашло свое отражение и в одной из базовых эпистемической функции языка, связанной «с основной общественно значимой (опосредованной мышлением) формой отражения окружающей человека действительности и

самого себя, т. е. формой хранения знаний о действительности». Если познавательная (когнитивная, являющаяся средством получения нового знания о действительности) функция языка, по замечанию А.Е. Кибрика, связана «с мыслительной деятельностью человека (в единицах языка и их свойствах материализуются структура и динамика мысли), т. е. языковые единицы приспособлены как для номинации элементов действительности (и, далее, хранения знаний), так и для обеспечения потребностей мыслительного процесса», то эпистемическая функция «связывает язык с действительностью (в единицах языка в виде гносеологических образов закрепляются элементы действительности, выделенные, отображенные и обработанные сознанием человека)» [Кибрик, 1990, с. 604].

И, тем не менее, в логике выявления содержательных оттенков концепта и эпистемы как базовых номинативных единиц, отражающих национальную (этническую) специфику представления языковых знаний при обучении русскому языку как родному, рассматриваемой в рамках системного, культурологического (культурно-исторического) и аксиологического подходов, чрезвычайно важно обратиться к исходному осмыслению *эпистемы*, понятия, заимствованного из древнегреческого языка. Слово «познание» (*epistēmē*), в рассуждениях Платона, «говорит о том, что душа, значение которой в этом деле велико, следует (*heromenē*) за несущимися вещами, не отставая от них и их не опережая. Поэтому, вставив *ei*, нужно говорить *ereistēmē* («не познать», а «позанять») (412a) [Платон, 2008, с. 453]. «Знание» (*epistēmē*), продолжает философ, «двойственно и скорее, видимо, означает, что душа стоит (*histēsīn*) подле (*epi*) вещей, нежели что она несется вместе с ними, и правильнее, вероятно, начало этого слова произносить так, как мы теперь его произносим, делая наращение не в *e* [*ei*] – *ereistēmē*, но в *i* [*ii*]» (437a) [Платон, 2008, с. 486].

Эпистемологическое понимание языка как «отечествоведения» (Г. Шухардт), «памятников духа» (Я. Гримм), выражения «самосознания, мировоззрения и логики духа народа» достаточно широко представлено в *зарубежной лингвистике* (Ш. Балли, Ф. Боас, Дж. Бонфанте, Л. Вайсгербер, Ж. Вандриес, В. Вудт, В. фон Гумбольдт, А. Мартине, Г. Пауль, Э. Сепир, Б. Уорф, К. Фосслер, Г. Штейнталь, Г. Шухардт и др.).

В. фон Гумбольдт, констатируя, что язык всегда развивается в социуме, представлял общественную природу языка как природу национальную, как «идеальное», которое находится «в умах и душах людей». При этом, идеальное, по мнению ученого, - не общечеловеческое (логическое), не индивидуальное (психическое), а общенародное языковое мышление. Язык, согласно В. фон Гумбольдту, - «есть как бы внешнее проявление духа народа; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык – трудно себе представить что-либо более тождественное» [Гумбольдт, 1964, с. 88-89]. В языке, с точки зрения лингвиста, отражаются духовные качества народа, носителя этого языка. Развитие языка и различие человеческих ученых объяснял, прежде всего, «национальным мировоззрением», «народным духом», под которым понимал психический склад народа, его образ мыслей, философию, искусство и литературу.

Соглашаясь с мыслью В. фон Гумбольдта о том, что: «Язык есть не продукт деятельности (*ergon*), а деятельность (*energeia*)», Й.Л. Вайсгербер аргументировал «энергейтический» подход к изучению языка, предполагавший обнаружение в языке той силы (или энергии), благодаря которой он активно воздействует на познавательную и практическую деятельность его носителей. «Энергейтический» аспект изучения языковой картины мира Й.Л. Вайсгербер соотносил с понятием «ословливание мира» («*Worten der Welt*»), под которым понимал не просто членение мира на определенные отрезки с помощью слов, а процесс духовного

миросозидания или преобразования объективного мира в языковую картину мира [Вайсгербер, 1993, с. 277-278].

Последователь В. фон Гумбольдта Г. Штейнталь развил учение о языке как деятельности индивида и отражения народной психологии. Язык, с точки зрения ученого, - «выражение осознанных внутренних психических и духовных движений, состояний и отношений посредством артикулируемых звуков» [Штейнталь, 1964, с. 127], а речь – «духовная деятельность <...> подобно тому, как к психологии относится учение о мышлении и воле, т. е. о возникновении мыслей и волевых импульсов» [Штейнталь, 1964, с. 129]. «Таким образом, - суммирует Г. Штейнталь, - язык по своей сути есть продукт сообщества, народа. Когда мы называем язык инстинктивным самосознанием, инстинктивным мировоззрением и логикой, это означает, что язык является *самосознанием, мировоззрением и логикой духа народа*» [Штейнталь, 1964, с. 134-135], который «проявляется прежде всего в языке, затем в нравах и обычаях, установлениях и поступках, в традициях и песнопениях» [Штейнталь, 1964, с. 135].

Выступая против индивидуализма, В. Вундт полагал, что понятие «национального духа» «у Гегеля и у представителей исторической школы права служит дополнением и завершением традиционного понятия индивидуальной души. «В особенности Гегель, - замечает ученый, — не без намерения употреблял в применении к человеческому обществу общее слово «дух», которое заставляет нас отвлечься мысленно от телесной основы душевной жизни». <...> Он ясно высказывается в том смысле, что общество составляется из индивидуумов, а национальный дух - из отдельных душ. Но чем больший круг охватывает духовная жизнь, тем более ее идеальное содержание возвышается по своей ценности и непреходящему значению над неизбежным материальным субстратом жизненных процессов. Следовательно, - по мнению В. Вундта, - общий национальный дух противопоставляется отдельным душам не в смысле качественного различия, но в смысле измененного предиката ценности» [Вундт, 2002, с. 61]. «Духовное взаимодействие индивидуумов», - продолжает психолингвистик, - заставляет «народный дух проявиться в двух различных направлениях, относящихся друг к другу, приблизительно, как форма и материя - в языке и в мифах. Язык дает духовному содержанию жизни ту внешнюю форму, которая впервые дает ему возможность стать общим достоянием». Он «не только служит вспомогательным средством для объединения духовных сил индивидуумов, но принимает сверх того живейшее участие в находящем себе в речи выражении содержания» [Вундт, 2002, с. 37].

Основная идея теории Э. Сепира–Б. Уорфа выражена в следующей цитате из работы Э. Сепира, которую Б. Уорф использует в качестве эпиграфа к одной из своих статей: «Люди живут не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают; они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества. Было бы ошибочным полагать, что мы можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка. <...> На самом же деле «реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы» [Уорф, 1999, с. 58]. Согласно Б. Уорфу, действительность как хаотический поток впечатлений, упорядочивается языком, но, поскольку каждый язык обладает своей особой системой, то людям, говорящим на разных языках, он обрисовывает действительность по-разному [Уорф, 1999, с. 89-90]. Таким образом, констатирует Э. Сепир: «Важность языка для определения, выражения и передачи культуры не подлежит сомнению» [Сепир, 1965, с. 251] и т. д.

Антропологический подход к языку как к «дару слова» (Н.И. Греч) «духу родного языка» (Н.П. Некрасов), «национальному духу» (А.М. Пешковский), как к «бессознательному

преданию» (Ф.Е. Корш), летописи «пережитой культурной и социальной истории данного народа» (В.А. Богородицкий), как к «зеркалу духовной личности народа» (М.А. Тулов), продукту «духовного творчества данного культурно-исторического коллектива» (народа) (Г.О. Винокур), изучение родного языка в тесной связи с сознанием и мышлением человека, его национальной культурой и духовной жизнью нашли отражение в отечественных:

- *языкознанию* (К.С. Аксаков, О.С. Ахманова, Ю.А. Бельчиков, И.А. Бодуэн де Куртене, Г.О. Винокур, Н.И. Греч, И.И. Давыдов, А.А. Зализняк, В.А. Звегинцев, К.П. Зеленецкий, В.В. Колесов, И. Орнатовский, А.М. Пешковский, М.М. Покровский, Е.Д. Поливанов, А.А. Потемня, И.С. Рижский, Л.В. Савельева, З.К. Тарланов, И.Ф. Тимковский, М.А. Тулов, Ф.Ф. Фортунатов, П.Я. Черных, А.Д. Шмелев, Л.В. Щерба, Е.С. Яковлева и др.);

- *лингвокультурологии* (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, В.И. Беликов, Л.П. Крысин, Е.Л. Березович, С.Б. Борисов, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, М.И. Вендина, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, С.Г. Воркачёв, В.В. Воробьев, В.Г. Гак, Г. Гачев, В.Д. Губин, Т.В. Евсюкова, В.В. Иванов, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, В.В. Колесов, Г.В. Колшанский, В.В. Красных, Д.С. Лихачев, А.Ф. Лосев, М.Ю. Лотман, В.В. Макаров, В.А. Маслова, В.И. Постовалова, О.Г. Почепцов, Н.В. Пятаева, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, Е.Ф. Тарасов, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасова, Н.И. Толстой, Н.С. Трубецкой, Б.А. Успенский и др.);

- *этнопсихолингвистике* (Л.С. Выготский, А.С. Герд, В.В. Красных, М.М. Копыленко, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, С.Е. Никитина, Н.И. Толстой, Н.В. Уфимцева и др.) и в других смежных дисциплинах.

Приняв, по мысли А.А. Потемни, «дух в смысле сознательной умственной деятельности, предполагающей понятия, которые образуются только посредством слова, мы увидим, что дух без языка невозможен, потому что сам образуется при помощи языка и язык в нем есть первое по времени событие. <...> Язык и дух, взятые в смысле последовательных проявлений душевной жизни, мы можем вместе выводить из «глубины индивидуальности», т. е. из души как начала, производящего эти явления и обуславливающего их своею сокровенною сущностью.

То же следует сказать, - продолжает автор, - об отношении языка к духу народному. Язык не может быть тождествен с этим последним; как в жизни лица, так и в жизни народа должны быть явления, предшествующие языку и следующие за ним. Взавши во внимание, что язык есть переход от бессознательности к сознанию, можно сравнить отношение данной системы слов и грамматических форм к духу народному с отношением к нему известной философской системы. Как та, так и другая, завершая один период развития и подчиняя его сознанию, служит началом и основанием другому, высшему. При всем этом божественность языка остается в стороне и вопрос о его происхождении становится вопросом о явлениях душевной жизни, предшествующих языку, о законах его образования и развития, о влиянии его на последующую душевную деятельность, т. е. вопросом чисто психологическим» [Потемня, 1973, с. 208-209].

С точки зрения В.В. Виноградова: «Язык состоит, наряду с уже оформленными элементами, главным образом из методов продолжения работы духа, для которой язык предначертывает путь и форму» [Виноградов, 1986, с. 24]. В системе смысловых отношений в структуре слова, отмечает ученый, открывается область внутренней формы слова как «образный способ выражения того или иного значения, обусловленный психологическими или культурно-историческими особенностями общественной среды и эпохи» [Виноградов, 1986, с. 24]. Во внутренней форме слова, подытоживает В.В. Виноградов, выражается осмысление внеязыковой действительности, а также ее оценка, экспрессия слова, которая «всегда субъективна, характерна и лична - от самого мимолетного до самого устойчивого, от взволнованности

мгновения до постоянства не только лица, ближайшей его среды, класса, но и эпохи, народа, культуры» [Виноградов, 1986, с. 25].

«Душу языка, его сущность, творящую в нем силу, - в понимании М.А. Тулова, - составляет дух наций, а не общечеловеческое мышление; строение языка зависит от склада ума народа, от силы его фантазии и чувства, а не от общих категорий и законов логики. Если в языке солнце, луна, звезды имеют свой пол, свой род, то это потому, что для наивной фантазии первообразователей слова многое казалось живым и одушевленным, что не кажется таким здоровой логике; если одни языки богаты формами для выражения всех оттенков времени действия, а в других категория времени осталась неразвитой, то это потому, - поясняет ученый, - что ум одного народа более способен к отвлеченному мышлению, чем ум другого; если в одних языках есть глаголы и другие части речи, а в других нет ни глаголов, ни имен, ни спряжений, ни склонений, а все выражается голыми корнями и приставками, то это потому, что языки в образовании своих звуковых средств, своих форм и категорий не справляются с законами и требованиями логики, а каждый идет своим путем и создает себе столько и таких форм, на сколько и на какие укажет ему главная творящая в нем сила народного духа» [Тулов, 1973, с. 198]. Таким образом, заключает М.А. Тулов, «в языках все различно: и звук, и формы, и синтаксический склад, - все запечатлено характером главной творящей в них силы, характером народного духа. Язык есть зеркало духовной личности народа, и языки народов так же различны, как и самые народы» [Тулов, 1973, с. 199].

Мысль об обращении к «дару слова» при обучении русскому (родному) языку мы находим и в трудах основателя отечественной лингводидактики Ф.И. Буслаева. «Постепенное раскрытие дара слова и законов оногo, - в изложении автора, - должно быть вместе и раскрытием всех нравственных сил учащегося, ибо родной язык есть неистощимая сокровищница всего духовного бытия человечества». «Основательное изучение родного языка, - продолжает Ф.И. Буслаев, - раскрывает все нравственные силы учащегося, дает ему истинно гуманическое образование, а вместе и свое собственное, народное; заставляет вникать в ничтожные, по видимому, и безжизненные мелочи и открывать в них глубокую жизнь во всей неисчерпаемой полноте ее» [Буслаев, 1844, с. 4-5]. Следует особо отметить, что методист стремился найти в лексике русского языка отражение особенностей культуры, быта и верований народа.

Методическая система Ф.И. Буслаева, основанная на развитии у обучающихся «врожденной духовной способности», самого надежного средства «для постижения и усвоения народного духа и характера, народного мирозерцания и народных идеалов» (Н.Ф. Бунаков), на изучении народного языка, «в котором заключается и жизнь, и свежесть, и творческая сила» (В.Я. Стоюнин), нашла свое логическое развитие в трудах: А.Д. Алферова, П.О. Афанасьева, Н.Ф. Бунакова, В.И. Водовозова, Я.К. Грота, В.В. Данилова, Н.С. Державина, Н.М. Соколова, Г.Г. Тумима, И.И. Срезневского, В.Я. Стоюнина, Д.Н. Ушакова, К.Д. Ушинского и других методистов.

«В твердом знании родного языка, - по мысли Я.К. Грота, - мы видим не средство только, но цель важную для всякого образованного человека, вполне понимающего значение двух великих идей: отечество и слово» [Грот, 1899, с. 398].

«Язык народа, - полагает К.Д. Ушинский, - лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина; в нем претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, ее воздух, ее физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы - весь тот глубокий, полный

мысли и чувства, голос родной природы, который говорит так громко в любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов. Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа. <...> В сокровищницу родного слова складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости, - словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове. Язык, - подчеркивает К.Д. Ушинский, - есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собой жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезает народный язык, - народа нет более!» [Ушинский, 1954, с. 541-542].

«Язык, - продолжает рассуждение И.И. Срезневский, - не только орудие познавательной и мыслительной силы человека, но сама эта сила, тело, в котором и которым она живет и без которого замирает; вместе с тем язык скрепа семей и поколений, близко сродных или сродняющихся, образующая их в один народ. <...> Вот почему думать о духовно-нравственном воспитании человека и не думать в то же время о его родном языке или думать о его родном языке только как об одном из предметов его образования, занимающем одно из мест в числе других изучаемых предметов, а не как о главном, основном, сосредоточивающем и поддерживающем в себе все другие, - невозможно... <...> Цель изучения родного языка, - по мысли И.И. Срезневского, - <...> овладение им в должной мере для жизни, для жизни внутренней и вместе той внешней, без которой и сама внутренняя жизнь <...> невозможна. <...> Ведя к этой цели, надо помнить, - заключает ученый, - что язык не личная собственность человека, что он им усваивается, как готовое общее достояние всех и каждого из сочленов народа, а <...> потому правильность выражения мысли словом языка не может быть какая-нибудь отвлеченная или подчиненная чьей-либо личной прихоти, а положительная, живая для всего народа, признанная народом, уразумеваемая каждым по мере его сил» [Срезневский, 1982].

С точки зрения Н.Ф. Бунакова, «самое надежное средство для постижения и усвоения народного духа и характера, народного мирозерцания и народных идеалов - усвоение его языка», изучая который, мы «пьем, вбираем в себя духовную жизнь и силу народа, как питательное молоко из груди матери. <...> Родной-то язык, с его словесностью, - отмечает ученый, - и есть тот учебный предмет, которым вносится в учебно-воспитательное дело живое народное начало, потому что в нем-то, в родном языке, как в сокровищнице, созданной и накопленной творческой силой всего народа, и сказывается полно и ярко народная душа, с ее заветами, идеями, чувствованиями, верованиями, упованиями, с ее идеальными представлениями и стремлениями» [Бунаков, 1953, с. 99-100, 170].

Перемещение в процессе изучения родного языка акцентов на деятельность обучающихся, на речевое развитие и саморазвитие личности, на приобщение школьников с помощью языка к истории и культуре русского народа, на понимание языка, в котором «нашли выражение сознательная мысль, чувства и дела русского народа» [Поздняков, 1955, с. 17] как важнейшее средство социализации личности, ярко выражено в современной отечественной методике (практике) русского языка как родного (Т.М. Андрианова, В.А. Илюхина, Е.В. Архипова, В.В. Бабайцева, Т.А. Байкова, Е.Р. Ерышева, М.А. Каленчук, Н.М. Лаврова, О.В. Малаховская, Н.А. Чуракова, М.Т. Баранов, Е.А. Барина, Ю.А. Бельчиков, Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева, О.В. Пронина, Е.А. Быстрова, Л.А. Ефросинина, И.В. Корнута, Т.С. Кудрявцева, Н.М. Шанский и др., Т.Н. Волкова, А.П. Валицкая, М.П. Воюшина, С.Г. Гладнева, А.Д. Дейкина, В.В. Дёмичева, О.И.

Ерёменко, Т.В. Яковлева, О.В. Джежелей, Т.К. Донская, Л.Я. Желтовская, А.Ю. Купалова, Л.Я. Желтовская, Л.М. Зеленина, Т.Е. Хохлова, В.П. Канакина, В.Г. Горецкий, М.В. Бойкина, М.Н. Дементьева, Н.А. Стефаненко, Т.Б. Кирьякова, Л.Ф. Климанова, О.С. Кожаева, Г.М. Кулаева, М.Л. Кусова, И.А. Абрамова, А.С. Дёмышева, Н.С. Юнова, В.А. Кустарева, Е.Н. Леонович, А.А. Леонтьев, О.И. Липина, М.Р. Львов, С.И. Львова, С.Г. Макеева, Л.А. Месеняшина, Р.С. Панова, Т.Ф. Новикова, Т.Г. Рамзаева, Е.И. Рогалева, О.Л. Соболева, А.В. Текучев, В.Ю. Троицкий, Л.П. Федоренко, Л.А. Ходякова, Н.А. Чуракова, М.Л. Каленчук, А.А. Штец, Н.Ю. Штрекер, Л.В. Юлдашева и др.).

Сказанное выше позволяет утверждать, эпистемологический подход к языковому образованию, рассматриваемый в рамках культурологического (культурно-исторического) и аксиологического подходов к содержанию образования, поддерживаемый отечественной и зарубежной традициями и представленный в новых федеральных государственных образовательных стандартах, нашел отражение в теории и практике обучения русскому (родному) языку [Кохичко, 25-28, 50].

И хотя между концептом, нозмой, экфоремой, лингвокультуремой, логоэпистемой, сапиентемой и другими сближаемыми многомерными и сложными когнитивными лингвосоциальными понятиями противоречий нет, традиционно в качестве базовых номинативных единиц, отражающих национальную (этническую) специфику представления языковых знаний, выступали концепт и эпистема, содержательные оттенки которых заключаются в различном восприятии окружающей действительности: если концепт, как правило, связан со знанием (сознанием, познанием) – значением, логикой, разумом (сознательным восприятием), познавательным опытом индивидуума, то эпистема – знание, базирующееся на «душе» (духе) – чувствах, ощущениях, переживаниях, духовной деятельности, эмоционально-смысловой практике человека. Подтверждение нашей мысли мы находим в трудах В.Г. Белинского и многих других отечественных мыслителей. Так, согласно В.Г. Белинскому: «Мысль относится к слову, как душа к телу, а слово к мысли, как тело к душе, т. е. слово есть покров, одежда, форма, выражение мысли, а мысль есть смысл, разум, значение слова» [Белинский, 1965, с. 83].

Весомым аргументом для высказанной позиции, по нашему мнению, является обращение к этимологии анализируемых понятий, где:

- *латинское* *conceptus* - мысль, понятие, представление < *concēpī*, *conceptum*, *concēpere* – собирать; облекать слова в определенную формулу; воспринимать; воображать; постигать [Латинско-русский, 2005, с. 257-259];

- *древнегреческое* ἐπιστήμη (*epistēmē*) – познание < («не познать», а «познать») < «душа, значение которой в этом деле велико, следует (*heromenē*) за несущимися вещами, не отставая от них и их не опережая», «душа стоит (*histēsīn*) подле (*epi*) вещей» [Платон, 2008, с. 453, 486].

Заключение

Заканчивая рассмотрение концепта и эпистемы как базовых номинативных единиц, отражающие национальную (этническую) специфику представления языковых знаний, подчеркнем, что «родной язык всегда был и остается главным предметом в начальной школе, ему принадлежит решающая роль в духовной жизни ребенка. Родной язык в школе - это инструмент познания, мышления, развития, он обладает богатыми возможностями творческого обогащения. Через язык, - заключает М.Р. Львов, - ученик овладевает традициями своего народа, его мировоззрением, этническими ценностями; через язык он приобщается к

величайшим сокровищам - русской литературе и литературам других народов. <...> Язык вводит ребенка в общественную жизнь» [Львов, 1993, с.7].

Данное осмысление приоритета ценностно-нормативного (духовно-нравственного) ядра содержания современного отечественного образования может способствовать определению структуры ценностных ориентиров, содержания, основных направлений, принципов, планируемых результатов, методических основ, особенностей организации духовно-нравственного развития, воспитания и социализации личности обучающегося средствами русского языка как родного. Тем более, что базовые национальные ценности – «основные моральные ценности, приоритетные нравственные установки» [Данилюк, 2011, с. 8], «не локализованы в содержании отдельного учебного предмета, формы или вида образовательной деятельности. Они пронизывают все учебное содержание, весь уклад школьной жизни, всю многоплановую деятельность школьника как человека, личности, гражданина» [Данилюк, 2011, с. 22].

Библиография

1. Абушенко, В.Л., Кацук, Н.Л. Концепт // Всемирная энциклопедия: Философия // гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор. 2001. С. 506-507.
2. Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР. 2009. 448 с.
3. Арутюнова, Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия / РАН. Инст. языкозн.; ред. кол.: Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рязцев (отв. ред.) и др.; Инст. языкозн. АН СССР. М.: Наука, 1993. С. 3–7.
4. Аскольдов, С.А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / под ред. проф. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267-279.
5. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
6. Бабайцев, А.Ю. Эпистемология // Всемирная энциклопедия: Философия / гл. научн. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. С. 1265-1266.
7. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. 104 с.
8. Белинский, В.Г. Русская грамматика // Хрестоматия по истории грамматических учений в России: учебн. пособ. для студ. филолог. факульт. высш. уч. завед. / сост. В.В. Щеулин, В.И. Медведева. М.: Высшая школа, 1965. С. 83-95.
9. Бунаков, Н.Ф. Школьное дело // Избр. пед. соч. / вступ. ст. В.З. Смирнова. М.: АПН РСФСР, 1953. 412 с.
10. Буслаев, Ф.И. О преподавании отечественного языка. Сочинение Федора Буслаева, старшего учителя 3-й Московской реальной гимназии. Ч. 1–2. М.: Унив. тип., 1844. Ч. 1. 335 с.
11. Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. 224 с.
12. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура: Три лингвострановедческие концепции: Лексического фона, речеповедческих тактик и сапиентемы: Монография / под ред. и с послесл. акад. Ю.С. Степанова. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
13. Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
14. Воркачёв, С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж: ВГТУ, 2002. С. 79-95.
15. Воркачёв, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2006. 236 с.
16. Вундт, В. Психология народов. М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 864 с.
17. Грот, Я.К. Филологические разыскания // Труды: в 5 т. 4-е изд. СПб., 1899. Т. 1. 939 с.
18. Гумбольдт, В. фон О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческого рода // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. С. 85-104.
19. Данилюк, А.Я., Кондаков, А.М., Тишков, В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2011. 23 с. (Стандарты второго поколения).
20. Карасик, В.И., Слышкин, Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75-80.
21. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261с.

22. Кезин, А.В. Эпистемология // Словарь философских терминов / научн. ред. проф. В.Г. Кузнецов. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 705-706.
23. Кибрик, А.Е. Язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 604-606.
24. Колесов, В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник СПбГУ. Сер.2. СПб., 1992. Вып. 3., №16. С. 30-40.
25. Кохичко, А.Н. Духовно-нравственное развитие и воспитание личности младшего школьника средствами русского (родного) языка // Начальная школа плюс До и После. 2012. №3. С. 78-85.
26. Кохичко, А.Н. О формировании национальной идентичности младших школьников при обучении русскому (родному) языку // Вестник ЛГУ имени А.С. Пушкина. 2011. №3. Т. 3. Педагогика. С. 7-17.
27. Кохичко, А.Н. Структура проживания младшими школьниками эпистемологического содержания русского (родного) языка // Начальная школа плюс До и После. 2012. №1. С. 63-67
28. Кохичко, А.Н. Эпистемы современного русского языка как основа самоопределения личности младшего школьника: монография. Мурманск: МОИПКРОиК, 2010. 222 с.
29. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008. 374 с.
30. Латинско-русский словарь / авт.-сост. К.А. Танушенко. Мн.: «Харвест», 2005. 1344 с.
31. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. СПб: Изд-во «Блиц», 1996. (Русский Pen-Club). С. 139–156.
32. Львов, М.Р. Школа творческого мышления. Учебное пособие. М.: Дидакт, 1993. 183 с.
33. Ляпин, С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды. Вып. I. Архангельск, 1997. С. 11–35.
34. Новейший словарь иностранных слов и выражений / отв. за выпуск В.В. Адамчик. Мн.: Современный литератор, 2006. 976 с.
35. Павилёнис, Р.И. Проблема смысла: логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
36. Платон. Кратил / Диалоги. Книга первая / Платон; [пер. с древнегреч. М.С. Соловьева, Я.М. Боровского, А.В. Болдырева, В.С. Соловьева, С.П. Маркиша, С.А. Ошерова, Т.В. Васильевой, С.К. Апта, А.Н. Егунова, С.А. Ананьина, Н.Н. Томасова; вступ. ст. к 1-2 тт., ст. к диалогам, помещенные в коммент., А.Ф. Лосева; примеч. к диалогам и указ. сост. А.А. Тахо-Годи]. М.: Эксмо, 2008. (Антология мысли). С. 415-491.
37. Поздняков, Н.С. Методика преподавания русского языка: учебн. пособ. для педаг. и учительск. инст. 3-е изд. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1955. 303 с.
38. Пойзнер, Б.Н. Репликация – латентный трансдисциплинарный концепт? // Новые идеи в аксиологии и анализе ценностного сознания: Коллективная монография. Вып. 4. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. С. 220-258.
39. Потенба, А.А. Мысль и язык [Внутренняя форма слова] // Хрестоматия по истории русского языкознания: учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов / под ред. Ф.П. Филина. М.: Высшая школа, 1973. С. 207-213.
40. Сепир, Э. Положение лингвистики как науки. Язык // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. С. 231-254.
41. Срезневский, И.И. Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте // Хрестоматия по методике русского языка: Русский язык как предмет преподавания: пособие для учителей / сост. А.В. Текучев. М.: Просвещение, 1982. С. 49-50.
42. Степанов, Ю.С. Понятие // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 383-385.
43. Тулов, М.А. Об элементарных звуках человеческой речи и русской азбуке // Хрестоматия по истории русского языкознания: учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов / под ред. Ф.П. Филина. М.: Высшая школа, 1973. С. 192-200.
44. Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / пер. с англ. Л.Н. Натан и Е.С. Турковой // Зарубежная лингвистика I / общ ред. В.А. Звегинцева, Н.С. Чемоданова. М.: ОАО «ИГ «Прогресс», 1999. С. 58-91.
45. Ушинский, К.Д. Вопросы обучения / Избр. пед. соч.: в 2-х т. / под ред. В.Я. Струминского. М.: Учпедгиз, 1954. Т. 2. 734 с.
46. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М.: Политиздат, 1986. 590 с.
47. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 815 с.
48. Холодная, М.А. Интегральные структуры понятийного мышления. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 189 с.
49. Штейнталь, Г. Грамматика, логика и психология (их принципы и их взаимоотношения) (Извлечения) // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. С. 127-135.
50. Kokhichko, A.N. Self-determination of a junior schoolchild in Russian national culture: Monograph / Germany, Saarbrücken: LAP: LAMBERT Academic Publishing, GmbH, 2013. 371 p.

The concept and episteme as basic nominative units that reflect the national (ethnic) specifics of the representation of linguistic knowledge

Andrei N. Kokhichko

Doctor of pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of chair of pedagogics,
Murmansk Arctic State University,
183038, 15, Kapitana Egorova st., Murmansk, Russian Federation;
e-mail: andrey_kokhichko@mail.ru

Abstract

The relevance of the presented study is due to the contradiction between the social order that defines the strategic goal of modern domestic general education - spiritual and moral development and education of students on the basis of basic national (all-Russian, civil, ethnic, Russian) values - and the uncertainty (mixing, identification) of the concept and episteme as basic nominative units reflecting the national (ethnic) specifics of the representation of linguistic knowledge. The purpose of this study is to identify the content shades of the concept and epistemic as basic nominative units that reflect the national (ethnic) specifics of the representation of linguistic knowledge when teaching Russian as a native language. The leading approaches to the study of this problem were the systemic, cultural (cultural-historical) and axiological approaches, which made it possible to comprehensively consider the specifics of the concept and episteme. The study confirmed that the content shades of the categories under consideration are different perceptions of environmental activity: if the concept is associated with knowledge (consciousness, cognition) - meaning, logic, mind (conscious perception Erya), cognitive experience of the individual – duma, then the episteme is knowledge based on the "soul" (spirit) - feelings, sensations, experiences, spiritual activity, emotional and semantic practice of a person. The materials of the article are of theoretical and practical value for determining the structure of value guidelines, content, main directions, principles, planned results, methodological foundations, features of the organization of spiritual and moral development, upbringing and socialization of a person who learns by means of the Russian language as a native language.

For citation

Kokhichko A.N. (2019) Kontsept i epistema kak bazovyye nominativnyye yedinitiy, otrazhayushchiye natsional'nyuyu (etnicheskuyu) spetsifiku predstavleniya yazykovykh znaniy [The concept and episteme as basic nominative units that reflect the national (ethnic) specifics of the representation of linguistic knowledge]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 9 (5A-II), pp. 764-781. DOI: 10.34670/AR.2020.45.5.195

Keywords

Concept, episteme, Russian (native) language, spiritual and moral education, socialization.

References

1. Abushenko, V.L., Katsuk, N.L. Concept // World Encyclopedia: Philosophy // Ch. scientific ed. and comp. A.A. Gritsanov. - M.: AST, Mn.: Harvest, The modern writer. 2001.S. 506-507.

2. Azimov E.G., Schukin A.N. A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages). M.: Publishing house IKAR. 2009.448 s.
3. Arutyunova, N. D. Introduction // Logical analysis of the language. Mental Actions / RAS. Inst. linguistic.; ed. col.: N.D. Arutyunova, N.K. Ryabtsev (ed.) And others; Inst. linguistic. USSR Academy of Sciences. M.: Nauka, 1993. S. 3–7.
4. Askoldov, S.A. Concept and word // Russian literature: From the theory of literature to the structure of the text: Anthology / ed. prof. V.P. Unsigned. M.: Academia, 1997.S. 267-279.
5. Akhmanova, O.S. Dictionary of linguistic terms. M.: Soviet Encyclopedia, 1969. 608 p.
6. Babaitsev, A. Yu. Epistemology // World Encyclopedia: Philosophy / Ch. scientific ed. and comp. A.A. Gritsanov. M.: AST, Mn.: Harvest, The modern writer, 2001.S. 1265-1266.
7. Grandmother, A.P. Types of concepts in the lexical and phraseological semantics of the language. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 1996.104 p.
8. Belinsky, V.G. Russian grammar // A reader on the history of grammatical teachings in Russia: textbook. benefits for stud. philologist. faculty. higher student Head / comp. V.V. Shcheulin, V.I. Medvedev. M.: Higher school, 1965. S. 83-95.
9. Bunakov, N.F. School business // Fav. ped Op. / entry Art. AT 3. Smirnova. M.: APN of the RSFSR, 1953.412 s.
10. Buslaev, F.I. On the teaching of the national language. The work of Fedor Buslaev, senior teacher of the 3rd Moscow real gymnasium. Part 1–2. M.: Univ. typ., 1844. Part 1. 335 s.
11. Weisgerber, J.L. Native language and spirit formation. M.: Moscow Publishing House. University, 1993.224 s.
12. Vereshchagin, EM, Kostomarov, V.G. Language and Culture: Three Linguistic and Regional Concepts: Lexical Background, Speech-Behavioral Tactics and Sapientems: Monograph / ed. and from after. Acad. Yu.S. Stepanova. M.: Indrik, 2005.1040 s.
13. Vinogradov, V.V. Russian language (Grammar doctrine of the word). M.: Higher School, 1986. 640 p.
14. Vorkachev, S.G. Methodological foundations of linguoconceptology // Theoretical and Applied Linguistics. Interuniversity collection of scientific papers. Vol. 3: Aspects of metacommunicative activity. Voronezh: VSTU, 2002.S. 79-95.
15. Vorkachev, S.G. Happiness as a linguistic and cultural concept. M.: ITDGK "Gnosis", 2006. 236 p.
16. Wundt, V. Psychology of peoples. M.: Eksmo Publishing House; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2002.864 s.
17. Grotto, J.K. Philological research // Transactions: in 5 vol. 4th ed. SPb., 1899.V. 1. 939 s.
18. Humboldt, V. von On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of the human race // V.A. Zvegintsev. The history of linguistics of the XIX-XX centuries in essays and extracts. Part 1. M.: Education, 1964. S. 85-104.
19. Danilyuk, A.Ya., Kondakov, A.M., Tishkov, V.A. The concept of spiritual and moral development and education of the personality of a citizen of Russia. M.: Education, 2011.23 s. (Second Generation Standards).
20. Karasik, V.I., Slyshkin, G.G. Linguocultural concept as a unit of research // Methodological problems of cognitive linguistics: Sat. scientific tr / ed. I.A. Sternin. Voronezh: Voronezh State University, 2001.S. 75-80.
21. Karaulov, Yu.N. Russian language and language personality. M.: Nauka, 1987.261s.
22. Kezin, A.V. Epistemology // Dictionary of philosophical terms / scientific. ed. prof. V.G. Kuznetsov. M.: INFRA-M, 2007.S. 705-706.
23. Kibrik, A.E. Language // Linguistic Encyclopedic Dictionary / Ch. ed. V.N. Yartseva. M.: Soviet Encyclopedia, 1990.S. 604-606.
24. Kolesov, V.V. Culture concept: image - concept - symbol // Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 2. SPb., 1992. Issue. 3., No.16. S. 30-40.
25. Kokhichko, A.N. Spiritual and moral development and upbringing of the personality of a primary school student by means of the Russian (native) language // Elementary School plus Before and After. 2012. No3. S. 78-85.
26. Kokhichko, A.N. On the formation of the national identity of younger schoolchildren in teaching the Russian (native) language // Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2011. No3. T. 3. Pedagogy. S. 7-17.
27. Kokhichko, A.N. The structure of the residence of younger students of the epistemological content of the Russian (native) language // Elementary School plus Before and After. 2012. No1. S. 63-67
28. Kokhichko, A.N. Epistems of the modern Russian language as the basis for the self-determination of the personality of a younger schoolboy: a monograph. Murmansk: MOI–P–KROiK, 2010.222 s.
29. Krasavsky, N.A. Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures. M.: Gnosis, 2008.374 s.
30. Latin-Russian dictionary / ed. K.A. Tanushenko. Mn.: "Har –vest", 2005. 1344 p.
31. Likhachev, D.S. The conceptosphere of the Russian language // Likhachev D.S. Essays on the philosophy of art. St. Petersburg: Publishing House "Blitz", 1996. (Russian Pen-Club). S. 139-156.
32. Lviv, M.R. School of creative thinking. Tutorial. M.: Didact, 1993.183 s.
33. Lyapin, S.Kh. Conceptology: towards the establishment of an approach // Concepts. Scientific works. Vol. I. Arkhangelsk, 1997. S. 11–35.
34. The latest dictionary of foreign words and expressions / otv. for the release of V.V. Adamchik. Mn.: Modern literary writer, 2006.976 s.

35. Pavilionis, R.I. The problem of meaning: logical and philosophical analysis of the language. M.: Thought, 1983. 286 p.
36. Plato. *Kratil / Dialogs. Book One / Plato*; [trans. with ancient Greek. M.S. Solovyova, Y.M. Borovsky, A.V. Boldyreva, V.S. Solovieva, S.P. Markisha, S.A. Osherova, T.V. Vasilieva, S.K. Apta, A.N. Egunova, S.A. Ananyina, N.N. Thomasova; entry Art. to 1-2 tt., Art. to the dialogs posted in comments. A.F. Loseva; note to dialogues and decree. comp. A.A. Tahoe-Godij]. M.: Eksmo, 2008. (Anthology of Thought). S. 415-491.
37. Pozdnyakov, N.S. *Methods of teaching the Russian language: textbook. benefits for educator. and teacher. inst. 3rd ed.* M.: State educational and pedagogical publishing house of the Ministry of Education of the RSFSR, 1955. 303 p.
38. Poyzner, B.N. *Is replication a latent transdisciplinary concept? // New ideas in axiology and the analysis of value consciousness: Collective monograph. Vol. 4.* Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2007. S. 220-258.
39. Potebnya, A.A. *Thought and language [The internal form of the word] // A reader on the history of Russian linguistics: textbook. allowance for filol. specialties of high schools and ped. in-to / ed. F.P. Eagle owl. M.: Higher School, 1973. P. 207-213.*
40. Sepir, E. *The position of linguistics as a science. Language // V.A. Zvegintsev. The history of linguistics of the XIX-XX centuries in essays and extracts. Part 2.* M.: Education, 1965. S. 231-254.
41. Sreznevsky, I.I. *On the study of the mother tongue in general and especially in childhood // Anthology on the methodology of the Russian language: Russian as a subject of teaching: a manual for teachers / comp. A.V. Tekuchev. M.: Education, 1982. S. 49-50.*
42. Stepanov, Yu.S. *Concept // Linguistic Encyclopedic Dictionary / Ch. ed. V.N. Yartseva. M.: Soviet Encyclopedia, 1990.S. 383-385.*
43. Tulov, M.A. *On the elementary sounds of human speech and the Russian alphabet // Readings on the history of Russian linguistics: textbook. allowance for filol. specialties of high schools and ped. in-to / under. ed. F.P. Eagle owl. M.: Higher School, 1973.P. 192-200.*
44. Wharf, B.L. *The ratio of norms of behavior and thinking to the language / trans. from English L.N. Nathan and E.S. Turkova // Foreign Linguistics I / commonly. V.A. Zvegintseva, N.S. Suitcase. M.: OJSC IG Progress, 1999. S. 58-91.*
45. Ushinsky, K.D. *Learning Issues / Elect. ped Op. : in 2 volumes / ed. V.Ya. Struminsky. M.: Uchpedgiz, 1954.V. 2.734.*
46. *Philosophical Dictionary / ed. I.T. Frolova. 5th ed. M.: Polit izdat, 1986. 590 p.*
47. *Philosophical Encyclopedic Dictionary / Editorial: S.S. Averintsev, E.A. Arab Ogly, L.F. Ilyichev et al. 2nd ed. M.: Sov. Encyclopedia, 1989.815 s.*
48. Cold, M.A. *Integral structures of conceptual thinking.* Tomsk: Publishing House Tom. University, 1983. 189 p.
49. Steintal, G. *Grammar, Logic, and Psychology (their principles and their relationships) (Extracts) // V.A. Zvegintsev. The history of linguistics of the XIX-XX centuries in essays and extracts. Part 1.* M.: Education, 1964. S. 127-135.
50. Kokhichko, A.N. *Self-determination of a junior schoolchild in Russian national culture: Monograph / Germany, Saarbrucken: LAP: LAMBERT Academic Publishing, GmbH, 2013.371 p.*